

DOI: 10.24411/2308-8079-2017-00007

УДК 82-1+821.161.1:81

**ВРЕМЯ-ВЕЧНОСТЬ КАК ВЕДУЩИЙ КОНЦЕПТ
СТИЛЯ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ**

Безруков А.Н., Саликаева Д.Е.

В статье осуществлен анализ лирики Марины Цветаевой. Наличие концепта время-вечность в ее творчестве является особенностью индивидуально-авторского стиля. Марина Цветаева обладает уникальной способностью – владение поэтическим языком, контуры которого расширяют смысловой потенциал произведения. Данный концепт формирует окружающую действительность, ориентирует на поэтический эстетизм, глубоко личное переживание. Суть анализа заключается в том, чтобы показать, как концепт разрешает судьбу целого. Внимание в работе обращено на ряд текстов М. Цветаевой, в которых консолидируется концепт время-вечность в некую смысловую точку. В работе сделан акцент на характерность стиля М.И. Цветаевой. Анализ стиля и языка позволил увидеть множество различных элементов совмещенных в единый художественный конструкт. Сделан вывод, что индивидуальная манера письма М. Цветаевой интегрируется в частный концепт за счет сближения фонетического, лексического и синтаксического уровней.

Ключевые слова: Марина Цветаева, эстетика чтения, лирика, автор, стиль, концепт, поэтика текста, герменевтика, поэтический язык, читатель.

**TIME-ETERNITY AS THE MAIN CONCEPT
OF MARINA TSVETAEVA'S STYLE**

Bezrukov A.N., Salikaeva D.E.

The article presents the analysis of the lyric poetry by M. Tsvetaeva. The presence of the concept 'time-eternity' in her work is a feature of the author's individual style. Marina Tsvetaeva has a unique ability, i.e. mastery of a language that extends the semantic potential of the work. This concept forms the reality,

focuses on the poetic aesthetics and deep personal experience. The essence of the analysis is to show how the concept enables fate of the whole. More attention is paid on a series of texts that merge the concept 'time-eternity' into some point. The article focuses on the peculiarity of Marina Tsvetaeva's style. The analysis of her style and language gave an opportunity to see a variety of elements combined in a single art construct. In conclusion, her individual style of writing Tsvetaeva integrates into a particular concept on phonetic, lexical, and syntactic levels.

Keywords: Marina Tsvetaeva, aesthetics of reading, lyrics, author, style, concept, poetic of the text, hermeneutics, literary language, reader.

Ряд современных позиций языкознания компилирует в базисной аналитической точке отчета спектр разнородных по своей сущности научных знаний: философия, онтология, этика, эстетика, культурология, теория информационных систем, кибернетика, литературная критика, семиотика и т.д. Неким контрапунктом сближения диаметральных взглядов в первую очередь становится понятие **концепта**.

В лингвистике термин концепт определяют следующим образом: «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [2, с 269]. С.А. Аскольдов еще в начале XX века указал на то, что вопрос о концептах имеет свою давнюю историю, но данной оценке буквально в свое время так никто и не придал особого значения. Несмотря на это, в конце XX века к анализу концептов все-таки обратились достаточно массово и активно. Появились специальные научные исследования, монографические работы [1; 10; 17], частные статьи [3; 5]. На наш взгляд, структурально именно концепт позволяет вычленивать, манифестировать, объективно очерчивать наиболее существенные грани смысла художественного произведения, а также стиля и языка [8], что не так сферически сделать с опорой на традиционный метаязык науки.

На основе анализа ряда фундаментальных работ по языкознанию и когнитивной лингвистике [1; 4; 10; 12; 17] можно предположить, что теория

концепта имеет три основные парадигмы восприятия. Графически это может быть представлено в виде следующей таблицы-схемы:

Парадигмы восприятия концепта		
<i>Ю.С. Степанов</i>	<i>Н.Д. Арутюнова</i>	<i>Д.С. Лихачев / Е.С. Кубрякова</i>
Концепт – есть ячейка культуры в ментальном мире человека.	Семантика – основное средство формирования содержательной сущности концепта.	Концепт возникает непосредственно из значения слова, он является результатом столкновения значения слова с личным и национальным опытом человека.

Сопоставительный формат определений позволяет предположить, что в ходе верификации научного понятия возникает эффект симметрии признаков. Следовательно, концепт это:

1. Минимальная единица человеческого **опыта**;
2. Основная единица обработки, хранения и **передачи** знаний;
3. Основной элемент **культуры** в целом.

Налицо фреймовый, структурированный процесс оценки и конкретизации термина. Вероятно, с этим можно согласиться, так как большинство работ собственно языкового и литературоведческого толка ориентируют на такое понимание.

Неоднозначность трактовок вполне мотивирована – это связано, в первую очередь, с многогранностью понятия, сложностью и многомерностью способов его прочтения. В текстовом блоке культуры концепт как явление складывается из **потенциальной множественности**. Аргументировать весь спектр импульсов просто невозможно, но предположить ход структуриации вполне реально. Несмотря на вариативность определения, можно вслед за В.А. Масловой [15] предложить рабочую дефиницию концепта: это семантическое новообразование, которое отмечено влиянием лингвокультурной традиции, характеризующееся изменчивостью, дополнительной коннотацией исторических значений, зависящее от этнокультуры в целом.

В тоже время, это и некий концентрический квант знаний, преломляющий, трансформирующий опыт общечеловеческой активности. Как

было представлено выше, большинство теоретиков исходят из лингвальной, либо лингвокультурной природы концепта. На наш же взгляд целесообразно сводить к центру понятия также ментальный, онтологический, психический, этно-идентичный векторы. Следовательно, концепт в художественной литературе становится одним из показателей и выразителей идиостилевых примет-маркеров языка художника.

Концепт в поэзии – это **спектральная коннотация**, начально сбита в некую смысловую парадигму. На наш взгляд, наиболее естественно и объемно процесс концептуализации лирического художественного мира наблюдается в поэтическом наследии Марины Цветаевой. В раскладке уровневых составов языка Цветаевой – фонетика, лексика, синтаксис – происходит не столько манифестация концептов как явлений синтеза, сколько приоритетная выборка – сознательно/бессознательно – путей постижения человеческого существования и наличной природы.

Поэтические тексты Марины Цветаевой в русле данного объяснения можно отнести к индивидуально-авторским видам познания. Поэт, находясь в ситуации дискретной субъективности, в конечном итоге объективирует закономерности становления и развития пространственно-временной картины, намечает для читателя аксиологический предел настоящего/бытийного, ориентирует на дальнейший поиск новой истины. Это достаточно сложно, но правильно и гармонично.

Для Марины Цветаевой художественный текст является пространством совмещения закономерностей, конструктом человеческого совершенства, наполненным концептами: визуальными, пространственными, общечеловеческими, историческими, топографическими. Образные ряды, сюжетные ходы, языковая цельность вот далеко неполный стандарт идиостилевых номинаций автора. Следует отметить, что поэтический текст [6] – это то, с помощью чего читатель имеет возможность по-другому познать окружающий его мир. В большинстве случаев научный подход, что является

максимально выверенным, не может верифицировать и распознать нечто настоящее, естественное, гармоничное, но так необходимое человеку.

Марина Цветаева, человек с большим опытом поэта, этот факт не только для частного времени является бесценным, он знаков и для русской и мировой культуры в целом. Концепты лирики верифицируются поэтом всем качественным запасом языковых номинация и единиц. Связность в единую точку смысла происходит по принципу эстетической структуры. Сюда, конечно же, входят сами слова/лексемы, фраземы/акты, синтаксемы/тексты, даже целые стихотворные блоки/микромиры. Трансформация реалий жизни в тексте, следовательно, происходит как с помощью номинаций образов, так и объективации посредством поэтической окружающей действительности. Марина Цветаева привносит в свой текст и личный опыт, и потенциал знаний, и новые смыслы, а также задает продуктивную активность читателя. Так как именно последний является участником рождения **концепта**, именно читателю подвластно объемно манифестировать концепт для изъятия/предопределения и вложения смысловой множественности.

Творчество Марины Цветаевой отличается наличием окказиональных, ярко выраженных эмоциональных слов и выражений, строгой фонетики, сложной графики текста, концептуальным взглядом на мир. Языковеды выделяют основной наборный ряд концептов, исходя из частотности и концептуальности критериев [3; 9; 11; 16; 23]. Мы же акцентируем внимание лишь на часть из этих предположений. Базис групп можно соотнести в табличном виде.

Основные концепты лирики Марины Цветаевой		
<i>И.И. Бабенко</i>	<i>С.Ю. Лаврова</i>	<i>Н.В. Черных</i>
<ul style="list-style-type: none"> • человек как живое существо; • природа; • цвет; • человек и его способности; • время; • любовь; 	<ul style="list-style-type: none"> • <i>Экзистенциальные:</i> природа, Творец, социум. • <i>Гносеологические:</i> сущность, предел. • <i>Эпистемические:</i> парадигма, тождество, миф, символ. 	<ul style="list-style-type: none"> • Душа; • жизнь / смерть; • начало / финал; • сад; • флора; • стекло; • зрение; • творчество...

• социальный статус личности...		
---------------------------------	--	--

Как видно из предложенной раскладки одним из структурообразующих концептов является **время-вечность** в слитности с **пространственными координатами** художественного мира. Действительно, в литературе магистраль текста – это **хронотоп**, но у Цветаевой это не в контаминации по типу М.М. Бахтина, это онтологическая разверстка мифологического (А.Ф. Лосев, Е.М. Мелетинский). Для цветаевского текста корпусность **мифа** становится моделью мироздания, моделью принятия естественных универсалий. Читатель как бы отрывается от наличной действительности пространства, начинает понимать сущностный предел времени, стремится достичь вечного, реализация которого и есть сверхзадача поэта.

Пространство в лирическом наследии М. Цветаевой – очевидность, данность, топографический узус; следует признать, что это один из элементов, который образует нити связности русской литературы [13; 14; 18]. Писатели, поэты XIX-XX веков «плоскостное» воспринимали первичным, основным, знаковым (В.Н. Топоров, Ю.М. Лотман). Заметно это, конечно же, по-разному, но, безусловно, есть у А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, А.А. Блока, А.И. Куприна, С.А. Есенина, А.А. Ахматовой. Пространство есть «нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, определяемое порядком сосуществования вещей» [18, с. 228]. Условность, квазивариант топоса и определяет объем литературы, ее иллюзорность, **симулятивность**. Эстетика чтения в данном случае достигает границ, которые максимально размыты.

Марина Цветаева полным спектром языка, изнутри взрывает текст концептами, делает его открытым для представлений, художественного рисования, не соблюдая порой дистанций между временем и пространством, этим, вероятно, и вырабатывая свое непохожее на других миропонимание, мироощущение, собственно стилевую черту. Безусловно, у Цветаевой особая

связь с **пространством**, и не только буквальным, конкретно зримым, тактильным. Она сама писала, что «вся моя жизнь – роман с собственной душой, с городом, где я живу, с деревом на краю дороги, с воздухом. И я бесконечно счастлива» [22, с. 25]. Эти строчки свидетельствуют о цельности образа поэта, о безупречно-цельной мысли автора-философа, о необычайно таинственном, необычном решении главного – нахождении самим человеком «человека в пространстве времени», «**личности в истории**».

Хотелось бы отметить также, что для Марины Цветаевой пространство – это то, что способно возродить в индивидуальности патриотизм, безудержную страсть до собственного своего, родного, концептуально **личного**, интимного:

С молоком кормилицы рязанской

Он всосал наследственные блага:

Триединство Господа – и флага.

Русский гимн – и русские пространства [20, с. 425].

Смысловая трансформация концепта пространства слышна как на звуковом уровне, так и на уровне лексическом, лексико-семантическом. Частные образы открытого горизонта для Цветаевой – *это Россия, русский мир, наследственное благо, простор*. Следует уточнить, что *простор* – это то, что неподвластно объятию, это открытое, не имеющее границ пространство, пространство «родное для себя». Как отмечал Н.А. Бердяев, простор для исконно русского человека – не просто пространство, это особое **состояние души**, внутренний мотив, движущий человеком; частность уединения в данных условиях дает реальный шанс самопознания/самопостижения. Так и у Марины Цветаевой, простор – один из главных аксиологических ориентиров, приближающий читателя к осмыслению концепта **времени**.

Лирические контуры цветаевской лирики обеспечивают читателю простор сознательного, свободу движений неповторимой мысли; «беседы с ветром», «контакт со стихией», некая «ветреность точки зрения», «перспектива позиций» связаны с нравом и мировоззренческой линией лирической героини:

Другие – с очами и с личиком светлым,

А я-то ночами беседую с ветром.

Не с тем – италийским

Зефиром младым, –

С хорошим, с широким,

Российским, сквозным! [20, с. 557].

Подводя промежуточный итог, касающийся взгляда Цветаевой на верификацию **концепта простора/пространства**, можно четко утвердиться в мысли ясной и четкой выраженности поэта относительно этого. В приведенных примерах, конечно же, звучит настоящая «русскость», «российскость», «невыдуманная неповторимость оценки принадлежности к России». Следовательно, пространство у Цветаевой – ассоциативно совместимо с полной/абсолютной свободой, свободой передвижений, свободой выбора **пути**, свободой **самоидентификации**. Концепт в данном случае работает на укрепление позиций автора/лирической героини, стабилизацию смыслового акцента.

В критике уже не раз отмечалась трагичность судьбы Марины Цветаевой. Дистанция между «топографическими» точками (Россия – Европа) переживается как самое сложное. Цветаева кровно связана с Россией, даже в самые трудные минуты она не переставала верить в «свою» Россию:

Товарищи!

Жива еще

Мать – Страсть – Русь!

Товарищи!

Цела еще

В серд – цах Русь! [21, с. 85]

Стремлением к родному краю у М. Цветаевой не было равных. Именно поэтому одним из основных мотивов в ее произведениях была **Родина**:

Дорожкой простонародною –

Так, доченька, к себе на родину:

В страну Мечты и Одиночества –

Где мы – Величества, Высочества [20, с. 493].

В поэзии Цветаевой Родина имеет несколько наименований: *Советский союз, Родина-Русь, Русь, святая Русь, Россия, Рэсэфэсэр, СССР, страна Господня*. Каждое из них несёт в себе свой смысл и оценку автора. Концептуально они едины, разность заключается в возможной **дисперсии чувств**. Можем заметить, что Марина Цветаева часто разделяет их в своих строках: «*Русь – прадедам, Россия – нам...*». На самом деле это не так. Русь в понимании поэта поет, пляшет, плачет, бунтует, играет, острит, живет, движется, обретает самость. Ей особенно дорога Россия не тихая, а бунтарская, неподвластная, своевольная, сводная и мечтательная:

Следок твой непытан,

Вихор твой – колтун.

Скрипят под копытом

Разрыв да плакун.

Нетоптанный путь,

Непутевый огонь. –

Ох, Родина-Русь,

Неподкованный конь! [21, с. 28].

Марина Цветаева горячо любила Россию, жила ее правдой, тосковала, когда судьба заставляла ее покинуть Родину. Она превосходно владела родным русским языком, умела в своих стихотворениях описывать чувства так, чтобы читателю было ясно и без акцента то, что именно является главным в произведении. Цветаева хочет и пишет о любви к Родине. Для нее Родина концептуально значимый феномен, без которого нет жизни. Следует констатировать, что подобные строчки могли реализоваться в литературной деятельности только, если автор всем сердцем переживает за родной Дом, верит в него, желает счастья и блага.

Некоей консолидацией цельности мира, миропорядка у Марины Цветаевой является концепт **время-вечность**. Время дробится в наследии поэта

на **объективное** и **субъективное**. Объективное время – это время физическое, субъективное же – время психологическое. Оно также может характеризоваться с исторической, художественной, библейской, дискретной стороны. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «если чувство времени основано на восприятии природных циклов, то психические структуры связали себя с линейным временем, расчлененным "точкою присутствия" на прошлое, будущее и соединяющее их в единый поток настоящее» [1, с. 688]. В поэтический мир М. Цветаевой время пронизывается очень глубоко, магистраль данной категории неизмерима. В ее языке взгляд на время был представлен как с физических, так и с философских позиций. Примером может служить то, что она не любит настоящего времени, оно противопоставлено у нее Вечности, автор как бы нивелирует эту грань, стирает ее для читателя:

Век мой – яд мой, век мой – вред мой,

Век мой – враг мой, век мой – ад [21, с. 319].

Автор не в силах бороться со временем, этого и не требуется, эстетика XX века в ином: она ориентирована не на преодоление, но на принятие. Время трудно остановить, порой оно диктует свои правила, но в стихотворении «Прокрасться» кажется, что М. Цветаева формально побеждает его:

А может, лучшая победа

Над временем и тяготеньем –

Пройти, чтоб не оставить следа,

Пройти, чтоб не оставить тени

На стенах...

Может быть – отказом

Взять? Вычеркнуть из зеркал?

Так: Лермонтовым по Кавказу

Прокрасться, не встревожив скал [21, с. 199].

Для Марины Цветаевой было важно создавать свое время, время-вечность, «время вечности», а не отражать существующее, реальное, действительное. Такое утверждение она считала соответствием современнику,

читателю, близкому поколению ее мыслей и чувств. Конечно, время ей беспощадно мстило, поэтому с конца 20-х годов она все чаще сталкивалась с отсутствием публикаций, отсутствием нормального «читательского внимания». Автор всегда нуждается в потенциальном диалоге, если же его нет – нужно создать эффект точки, времени-вечности. Владея словом, обретается неподдельность правильности. Марина Цветаева это понимала, переживала и старалась совместить в концептуальности. Правильно заметить, по отношению к человеку существует две разновидности времени: личное время человека (номинация возраста) и то, что его окружает (время вечности). Именно вечность интересовала Цветаеву больше, чем остальное. Она старалась сделать все возможное, но только бы вывести время за рамки своего поэтического мира, акцентируя внимание на вековечную оппозицию **мгновение – вечность**. Данная установка ей, безусловно, поддалась. Срастить эти пределы получается немногим, когда же это происходит, рождается новая концепция **мира-жизни**, обретающая потенциальность.

Поэт только ориентирует на данный путь, перспектива возложена на читателя [7], ибо подсказкой к этому является текст/дискурс [5]. Художественный дискурс есть время действий, поступательность событий; происходящее в произведении только программа, намек. Пока читается текст, время длительно в смысловом регистре. У М. Цветаевой особый ритмический слух, она использует это достаточно частотно в своих стихотворениях. Звук становится важным пределом объективной реальности, музыка стиха в лирике Цветаевой обретает первоначальность рождения концепта. Через звуковой, фонический базис читатели прорисовывают для себя окружающий мир, нацеливаются на его освоение, входят в фазу желания познать. Образно точка отсчета воссоздана в стихотворении «Минута» [21, с. 217-218]. Конгломерат идейных векторов заметен уже в заголовочном комплексе.

М. Цветаева усиливает звучание акцентами, колебание времени-вечности происходит с помощью нарочитом повторе солгасных, аллитерации. Номен

пульсирующей точки скрыт в лексеме «МИ-НУ-ТА». В данном случае можно говорить о некоей игре звуков «М» и «Н»:

Минута: мѝнущая: минешь!

Так мимо же, и страсть и друг!

Да будет выброшено ныне ж –

Что́ завтра б – вырвано из рук! [21, с. 217].

Из всего этого потока **звука-времени, времени-точки** автору так и хочется вырваться в некую вечность, перебив, становится для поэта самоцелью. Таким образом, Марина Цветаева, хотя и формально, но может управлять временем, это ее желание, это ей подвластно, это подвластной ей в **тексте**. Она может раствориться в творчестве, сделать остановку, а может и двигаться в мчащемся потоке явлений: выбор в данном случае уже за героиней. Читатель вовлечен в то, что сиюминутность ориентирована только на мерцание, вечность – на спектр кадров. Ярким примером служит финал стихотворения «Хвала времени»:

Ибо мимо родилась

Времени! Вотще и всуе

Ратуешь! Калиф на час:

Время! Я тебя миную [21, с. 197].

Таким образом, картина мира в поэзии Марины Цветаевой является органичным синтезом множества различных/разнородных элементов, составляющих особенности ее стиля. Концепт **времени-вечности**, вместе с ним сопутствующего **пространства** позволяет автору передать весь тончайший эстетический смысл творчества: достижение гармоничного, преодоление сиюминутного. Все, что использует Цветаева, не является самоцелью, для нее главное направлять читателя на понимание глубины онтологических проблем. Задача читателя извлечь максимальный экспрессивный, эмоциональный, метафизический эффект. По словам Владислава Ходасевича, «созерцатель жадный, часто зоркий и всегда страстный» [19], следовательно, Марина Цветаева беспристрастна к нему.

Следует признать, что нам и по сей день тяжело лишь в нескольких словах описать то, какое место занимает Цветаева в литературном процессе XX века, в целом в русской поэзии. Она несравнима, необычайно талантлива, сдержана, одновременно с этим открыта. Дистанция ее лирики для читателя только в невозможности полностью воспринять сказанное. Именно поэтому творчество Марины Цветаевой невозможно вписать в рамки какого-либо частного литературного течения или направления. Слог, стих, стиль Цветаевой центричен, концептуален, вековечен. Личное, субъективное в стихах Марины Цветаевой становится не единичным, случайным, частным, все приобретает масштаб, интерес и узус поэтического.

Список литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Ред. В.П. Нерознак. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
3. Бабенко И.И. Сакрально-религиозный компонент в языковой и концептуальной картине мира М. Цветаевой // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2005. – Вып. 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (Филология). – С. 33-39.
4. Безруков А.Н. Дифференциация текста и дискурса с позиций современной лингвистической теории // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 13 / Отв. ред. А.Г. Пастухов. – Орёл: ФГБОУ ВПО «ОГИК», ООО «Горизонт», 2015. – С. 6-14.
5. Безруков А.Н. Иерархия художественного дискурса // *Litera*. – 2017. – № 2. – С. 45-53.
6. Безруков А.Н. Структурный анализ лирического текста как модель репрезентации эстетических координат [Электронный ресурс] // *Studia*

Humanitatis. – 2017. – № 3. – URL: <http://st-hum.ru/node/578> (дата обращения: 19.12.2017).

7. Безруков А.Н. Эстетика воздействия текста на читательское сознание // Вестник Димитровградского инженерно-технологического института. – 2015. – № 1(6). – С. 181-188.

8. Винокур Г.О. О языке художественной литературы / Сост. и примеч. Т.Г. Винокур. Предисл. В.П. Григорьева. – М.: КомКнига, 2006. – 328 с.

9. Губанов С.А. Сложный эпитет в идиолекте М. Цветаевой: лингвистика смысла // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 385. – С. 5-8.

10. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

11. Лаврова С.Ю. Формулы в текстовой парадигме (на материале идиостиля М. Цветаевой). – М.: Прометей, 1998. – 194 с.

12. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 1. – С. 3-9.

13. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972. – 272 с.

14. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М.: Гнозис, 1994. – С. 10-257.

15. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 256 с.

16. Саакянц А.А. Марина Цветаева: Страницы жизни и творчества. – М.: Советский писатель, 1986. – 352 с.

17. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

18. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227-284.

19. Ходасевич В. Марина Цветаева. После России. Стихи 1922-1925 [Электронный ресурс] // Марина Ивановна Цветаева [сайт]. – 2017. – URL: <https://goo.gl/rKZSzM> (дата обращения: 19.12.2017).

20. Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Эллис-Лак, 1994. – Т. 1. – 640 с.

21. Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т.– М.: Эллис-Лак, 1994. – Т. 2. – 592 с.

22. Цветаева М.И. Собр. соч.: В 7 т. – М.: Эллис-Лак, 1995. – Т. 6. – 800 с.

23. Черных Н.В. Семантическая емкость слова (на материале творчества М. Цветаевой): дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – русский язык. – Ростов-на-Дону, 2003. – 297 с.

Сведения об авторах:

Безруков Андрей Николаевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Бирского филиала Башкирского государственного университета (Бирск, Россия).

Саликаева Дарья Евгеньевна – студент факультета филологии и межкультурных коммуникаций Бирского филиала Башкирского государственного университета (Бирск, Россия).

Data about the authors:

Bezrukov Andrei Nikolayevich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of Philology Department, Birsk Branch of Bashkir State University (Birsk, Russia).

Salikaeva Darya Evgen'evna – student of Philology and Intercultural Communication Faculty, Birsk Branch of Bashkir State University (Birsk, Russia).

E-mail: in_text@mail.ru.

E-mail: cool.karolina30@yandex.ru.